

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.20>

Исаева Оксана Сергеевна

ИДЕЯ СОБОРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

Статья посвящена одному из оригинальных философских течений начала XX века - классическому евразийству. Автор сосредоточился на интерпретации классическими евразийцами одного из самобытных явлений русской философской мысли - идеи соборности, выступающей фундаментальным понятием для всего их учения. В центре внимания находится религиозно-метафизическое обоснование "соборности" евразийскими мыслителями, в частности Л. П. Карсавиным. Делается вывод, что понятие "соборность" в философии классических евразийцев занимает одно из ключевых мест, выступая в качестве основополагающего объединяющего принципа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 95-98. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 25.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.20>

Статья посвящена одному из оригинальных философских течений начала XX века – классическому евразийству. Автор сосредоточился на интерпретации классическими евразийцами одного из самобытных явлений русской философской мысли – идеи соборности, выступающей фундаментальным понятием для всего их учения. В центре внимания находится религиозно-метафизическое обоснование «соборности» евразийскими мыслителями, в частности Л. П. Карсавиным. Делается вывод, что понятие «соборность» в философии классических евразийцев занимает одно из ключевых мест, выступая в качестве основополагающего объединяющего принципа.

Ключевые слова и фразы: классическое евразийство; соборность; соборная личность; симфоническая личность; всеединство.

Исаева Оксана Сергеевна, к. филос. н.
Пензенский государственный университет
oksaana_isaeva@mail.ru

ИДЕЯ СОБОРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

Русская философская мысль, безусловно, имеет свои глубокие традиции и особенности, свойственные только ей тенденции и векторы развития. Русские мыслители всегда тонко и чутко реагировали на происходящее в мире и в России, под влиянием чего возникали различные концепции, направления, обозначившие специфичность и в то же время органичность самого феномена русской философии. Отечественные философы зачастую обращали свои взоры к общественному благоустройству, желая создать государственный строй, в основе которого лежали бы заветы православного христианства, справедливости и солидарности, свободного становления и духовного развития личности. Но личности, лишенной эгоистических склонностей и присущего Западу индивидуализма. Одним из учений, отражающим специфику рассуждений в рамках данной проблематики, явилось сформировавшееся в контексте русской национальной философской мысли учение о соборности. Многогранность этого понятия, впервые предложенного и обоснованного славянофилом А. С. Хомяковым, впоследствии совершенно справедливо подчеркивает С. С. Хоружий [12]. Идея соборности разрабатывалась и развивалась многими отечественными мыслителями, такими, как В. С. Соловьев [6], С. Н. Трубецкой [7], С. Л. Франк [9], С. Н. Булгаков [1], П. А. Флоренский [8] и др. В концепции каждого из них мы можем увидеть особенную, собственную интерпретацию соборности, вместе с тем укладывающуюся и в общую для всех линию этого уникального по сути своей понятия русской философской мысли. Одна из трактовок идеи соборности представлена в творчестве участников направления философии русского зарубежья – классического евразийства 20-30-х гг. XX столетия. **Целью** данного исследования выступает изучение содержания понятия «соборность» в их философском учении, ее роли в философии евразийцев.

Актуальность и новизна данного исследования обуславливаются конкретизацией содержания идеи соборности в философском учении классических евразийцев. Автор пытается выявить привнесенные участниками евразийского течения принципиально новые моменты в содержание этого понятия. В рамках изучения философии русского зарубежья этот вопрос представляет определенный интерес.

А. С. Хомяков использовал термин «соборность» для характеристики церковного общежития людей. Определяя церковь обязательно как «соборную» или, что, по мнению философа, является понятием синонимичным, как «кафолическую», мыслитель дает совершенно четкое его толкование. Слово «соборный» является калькой греческого «Katholicos» и обозначает единение, сплочение людей без определенной ориентации на время и местность. А. С. Хомяков писал: «“Собор” выражает идею собрания, не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения. Это единство во множестве» [11, с. 242]. Так трактовали соборность еще славянские первоучителя Кирилл и Мефодий, вкладывая в его значение принцип великого единения людей, принцип «всецелости».

Соборная церковь есть, по А. С. Хомякову, единство, прежде всего, органическое, «живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви» [10, с. 88]. Такое «соборное единство» Православного христианства отличает его от западных вероисповеданий. Православная церковь, согласно А. С. Хомякову, несет в себе истинное единение и подлинную свободу, тогда как вера протестантская являет собой единство только в арифметическом его смысле. Человек в ней, как отдельная песчинка, наделен такой долей свободы, что исчезает всякое единство. Католичество же, наоборот, уповая лишь на единение граждан, уподобляет верующего камню, одному из многих, надежно уложенных в единую стену. Человек лишен здесь всякой свободы, «он не претерпевает порчи и не приобретает совершенства от места, предназначенного ему наугольником каменщика» [Там же, с. 87]. Хомяков утверждает, что отличительная черта проявлений церкви – это живая вера, которая способна проявиться и быть таковой только в церкви соборной. По Хомякову, конституирующее, основное свойство соборности – это тождество единства и свободы.

Евразийцы, в отличие от А. С. Хомякова – и здесь проскальзывает влияние уже позднего славянофильства, – не распространяют понятие соборности на весь мир в целом, а подчеркивают его локализацию в рамках одной культуры и цивилизации. В евразийской концепции «соборный» – значит «единый по всему и во всем», «единый в целом и во всех частях» [5, с. 32]. Евразийцы определяют соборность как «существеннейшее понятие

православия». Вслед за славянофилами, они также утверждают, что географически-этнографическая характеристика церкви – это внешняя ее характеристика. Понятия «соборный» и «соборность», наоборот, представляют собой внутреннее содержание церкви, а не область распространения на земле.

Нужно отметить, что в философии классического евразийства особое значение имеет понятие «соборная» или «симфоническая» личность, определяемая как органическое единство целого. Совершенной всеединой личностью предстает для них церковь, как истинное единство множества и множество единства – всеединство. Правда, такой церковь является в идеале, стремление к которому, согласно евразийцам, и составляет смысл жизни отдельного человека. Эмпирически же церковь «предстает нам только как симфоничность или согласованность многих своих личностей, как соборное единство всех членов ее в духе веры и любви, как “собор всей твари”» [Там же, с. 33].

Учение о симфонических или соборных личностях разрабатывалось в рамках классического евразийства Л. П. Карсавиным и стало фундаментальным для всего философского учения евразийцев. Сам Л. П. Карсавин вошел в число участников евразийского движения уже состоявшимся философом, со своими собственными оригинальными философскими взглядами. В его работе «Философия истории», написанной в 1923 г., перед нами предстает целостная картина, где автор излагает основные положения исторического бытия и осмысливает категорию «исторического» с позиции ее места и роли в мире, а также по отношению к «абсолютному бытию». Войдя в круг классического евразийства, Л. П. Карсавин быстро занял в нем лидирующую позицию. Концептуальное значение для всего философского учения евразийских мыслителей имели две его работы: «Церковь, личность и государство» (1927) и «О личности» (1929). Первая явила собой религиозно-философскую основу евразийства, вторая стала своеобразным завершением метафизических исканий Л. П. Карсавина и представила целостное, систематизированное учение о симфонической личности. Именно Карсавин ввел в философскую терминологию понятие «симфоническая личность», которое явилось фундаментальным для классического евразийства.

Понятие личности рассматривается философом через призму особого рода целостности, взаимосвязи – триединства церкви-личности-государства. Исходное, основное понятие в этой связке – это церковь. Л. П. Карсавин определяет ее как нечто единое и совершенное. Церковь являет собой полноту мира, который спас Иисус Христос, но «мира не только спасенного, а и спасаемого» [4, с. 414]. Если весь мир грешен, то церковь свята. Человеческий мир по отношению к церкви – становящееся Тело Христово. Смысл существования этого мира сводится мыслителем к тому, чтобы свободно возрасть в Тело Христово или церковь. Но при этом сама церковь не являет собой некой застывшей формы, она не представляется застывшим и готовым образцом для подражания. Она выступает жизнью мира. Согласно Карсавину, полнота эмпирического становления, раскрытия церкви уже содержится в ней. Но в соотношении с миром церковь всегда совершенна. Ее завершенность проявляется в полноте ее бытия. Л. П. Карсавин утверждает, что мир совершенствуется и развивается до церковного бытия, он становится церковью. Истинным же совершенством всегда является лишь церковь, она всегда превышает развитие мира, потенциально содержит его в себе.

Церковь «знает» Истину Христову, и последняя, в свою очередь, обуславливает полноту самой церкви. Эмпирически церковь вовсе не стремится к тому, чтобы выразить Истину Христа всецело, она только обозначает с помощью «общих указаний» и «отрицательных положений» (т.е. осуждающих заблуждения) «область Христовой Истины как бесконечного задания для грешного и спасающегося мира» [Там же, с. 416]. Можно заключить из этого, что постижение этой Истины и есть, согласно Л. П. Карсавину, главная цель и суть существования всего человеческого мира. Но здесь же и уместен вопрос о добровольности постижения церковной Истины. Должны ли «указания» церкви быть обязательными к исполнению? Л. П. Карсавин утверждает, что церковь «ревниво оберегает свободу прелагающегося в нее мира» и никоим образом не навязывает ему правильного пути, она лишь действует, направляя человека к Истине, указывая, где и в чем искать ее, а именно в любви [Там же]. Таким образом, утверждает Карсавин, становление мира происходит свободно. «Всякая божья тварь» в мире стремится к Истине «свободно и по-особому» [Там же]. Соответственно, и суть совершенствования самой церкви видится евразийскими мыслителями как свободное преобразование в церковь человеческого мира. «Каждое творение в собственном своем качестве свободно становится церковным, т.е. живым и растущим членом Тела Христова», – пишет Л. П. Карсавин [Там же, с. 417].

Классические евразийцы определяют церковь как церковь соборную или, согласно «вполне точному» переводу понятия «кафолическая», вселенскую. И здесь, в сущности, выражен основополагающий для всего евразийского учения смысл понятия соборности. Церковь соборна, а значит «едина по всему и во всем» [Там же]. Евразийская идея соборности в основе своей – это идея единства, но единства особого рода. Это не простое единение всех людей в стремлении постичь Истину церкви, это особое единство Истины. В понимании евразийских мыслителей, истина не дана людям церковью в ее «исчерпывающем» выражении, нет общей для всех истины. Каждый индивид осуществляет и постигает Истину сообразно своей, но церковью же «усовершенствованной природе». Он выражает ее во всей своей сущности, в своих творческих актах. Каждый человек выступает как одно из выражений Истины церкви, хотя и неполное, несовершенное. Единство церковной Истины представляет собой единство или «симфонию» всех ее индивидуальных выражений [Там же]. Такое единство подобно, согласно Л. П. Карсавину, «любивой согласованности», а в идеале и в совершенном бытии оно являет собой всеединство всех своих индивидуаций [Там же]. Таким образом, идея соборности с необходимостью включает в себе свободу самовыражения личности, но свободу, всегда определенную рамками высшей личности церкви.

Итак, классические евразийцы рассматривают церковь как всеединую личность. И все, что стремится стать церковью и церковным и становится таковым, должно, соответственно, стать и личным. Л. П. Карсавин отмечает: «Все, о чем молится Церковь, становится “кем-то”, т.е. личностью» [Там же, с. 419]. Именно церковное бытие является истинной формой бытия личного. «Все бытие должно стать церковным, является потенциально церковным и становится церковным», – утверждает Л. П. Карсавин [Там же, с. 423]. Человек же в отношении к всеединой личности церкви не является настоящей, подлинной личностью. О человеке как тварном начале, согласно философу, можно говорить лишь как о личности (или ипостаси) только в переносном смысле, ради простоты изложения. Согласно евразийцам, точнее было бы говорить «о тварном причастии к Божественной Ипостаси или Личности» [Там же, с. 419]. Среди людей существует только одна совершенная личность, это личность Сына Божьего – Иисуса Христа. Таким образом, весь мир, согласно классическим евразийцам, являет собой единую симфоническую личность.

Итак, согласно классическим евразийцам, весь мир – это целостная, совершенная соборная или симфоническая личность – церковь. Ее конкретные индивидуации – конкретные человеческие личности во всем их многообразии. Но между ними евразийские мыслители выделяют также и другие соборные личности – личности, которые объединяют индивидуумов, «и притом так, что они и есть единства объединяемых ими индивидуумов» [Там же]. В качестве таких соборных или симфонических личностей могут выступать различные социальные группы, такие, как сословия, классы, народы, культуры, как, например, русско-евразийская культура, объединяющая в себе совокупность народов, а также государства и в целом все человечество. Эти личности обязательно представляют собой единства тех симфонических и индивидуальных личностей, которые они в себя включают. В рамках иерархии соборная личность всегда стоит выше индивидуальной личности. И между соборными личностями всегда существует грация по степени соборности. На вершине данной иерархии всегда стоит всеединая личность церкви как совершенная высшая личность. Но, согласно классическим евразийцам, любая личность: отдельный индивид, народ или культуросубъект – остается потенциальной до того момента, пока не выльется в соответствующую форму своего личного бытия. Евразийские мыслители отмечают также, что существующая иерархия личностей, а также то «возглавляющее» положение, которое занимает церковь, совсем не должны обуславливать неравноценность личностей. «Тем не менее все личности и равноценны, а высшая никак не ограничивает низших и не стесняет их свободы. Ибо она не что-то отдельное, вне их сущее, но – само их единство и все они в каждой из них», – утверждает Л. П. Карсавин [Там же, с. 419-420]. «Личность – такое единство множества (ее состояний, проявлений и т.д.), что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют», – пишут евразийские мыслители в одной из основополагающих их работ [5, с. 21].

Таким образом, классические евразийцы постулируют в своем философском учении как основополагающую идею соборности, понимание которой сводится, прежде всего, к утверждению особого соборного единства как единства личностей. Но это не простое механическое их единство, подчеркивают евразийские мыслители, а единство обязательно органическое [2]. Евразийские мыслители противопоставляют само понятие личности «понятию отделенного и замкнутого в себе социального атома», которое относится к старому мирозерцанию [5, с. 21]. Согласно классическим евразийцам, личность являет собой «живое и органическое единство многообразия» [Там же]. Евразийцы отрицают механицизм и связи механические заменяют связями органическими, противопоставляя механическому единству единство соборное как органическое единство целого, единство личного.

Метафизическое учение евразийцев постулирует строгий религиозно-нравственный закон или идеал, отступить от которого – значит отступить от Бога и церкви. Суть его в том, что каждая индивидуальная личность должна осознать, что вся ее жизнь, ее путь и вообще все, что она делает и что с ней происходит, – все это, как утверждают классические евразийцы в лице Л. П. Карсавина, является воспроизведением творческих мыслей Бога о ней. Личности не создают чего-то своего, они лишь по-своему образуют и индивидуируют целое, т.е. высшую соборную личность. «Всякая личность должна осознать себя как свободное осуществление высшей личности, совпадающее со свободным самоосуществлением последней» [4, с. 420]. Личность не должна считать своим ничего, иначе она уже не представляет единства с Богом. Долг личности – стремиться к самовыражению ради вышестоящей соборной личности, а в конечном итоге ради высшей совершенной личности Бога, но четко понимать при этом, что все с ней происходящее от Бога – «“своего” иначе, как освоения целого и Божьего нет» [Там же]. Личность, считающая что-либо «своим», гордящаяся своим достижением, убивает себя, утверждает Л. П. Карсавин. «Гордыня и есть самоубийство» [Там же]. Главное качество, которое должно быть у индивидуальной личности, – это смирение. Человек должен «прикинуться смирением», должен осознать, что все, что он имеет, – все это дано ему Богом. Индивидуальная личность, согласно классическим евразийцам, не может в принципе создать чего-то нового. Она может лишь, отказавшись от эгоистического саморазвития, «осуществлять целое по-своему», по-своему индивидуировать его. Но даже способность индивидуировать целое, т.е. высшую личность, по-своему его образовывать, также является даром Бога, творческой мыслью Бога о личности. Таким образом, заключает Карсавин, главное, для чего существует человек, главная задача личности заключена в «саморазвитии в раскрытии высшего и ради раскрытия высшего», т.е. вышестоящей соборной личности [Там же, с. 421]. Индивидуальная личность должна жить ради Бога и в любви к нему. Такое саморазвитие, отрицая эгоизм, преодолевая гордыню, предполагает жертвенность, в основе которой лежит любовь. Каждый должен пожертвовать своим «греховным я» ради всех других, ради целого и Божьего, думать не только о том, что он один осуществляет

высшую личность, но и братья, другие индивидуальные личности также ее осуществляют. Для того чтобы личность саморазвивалась, она должна свободно и осознанно обуздывать свои эгоистические желания, пожертвовать всем «своим», и только так и возможно, согласно Л. П. Карсавину, в принципе, существование этого мира – через утверждение целого и Бога в конечном итоге. Индивид должен осознать, что все качества, дарования и таланты, которыми он обладает, – все это дано ему Богом, сам человек – это творение Божье. И вся жизнь личности, согласно евразийским мыслителям, – это постоянное стремление к Богу. Церковь, призывая человека к свободному смирению, к тому, чтобы сделать бессознательное стремление к Богу сознательным, призывает его к «истинному саморазвитию, понимаемому как выполнение его и Божьей воли, т.е. к осуществлению в себе особого образца Божьего» [Там же].

Итак, согласно классическим евразийцам, церковь ничего не навязывает человеку, поскольку личность единственна и неповторима в своем роде. Она побуждает ее к определению своего призвания и, таким образом, к служению Богу. Служа Богу, индивид будет по-своему «осуществлять и все глубже постигать единую Истину Церкви» [Там же]. Ведь Бог каждого наделил каким-либо талантом, и церковь способствует раскрытию его у человека. Но при этом всячески остерегается стеснить индивидуальную человеческую свободу. Она направляет человека силой любви и делает его членом соборного единства церкви.

Таким образом, классическими евразийцами в рамках философского учения Л. П. Карсавина утверждается основополагающий и организующий принцип всей их философии. Принцип, ставший, по сути, фундаментальным для всех разносторонних областей знания, которые и объединило евразийское течение начала XX века, – принцип соборности, выступающий как органическое единство целого. Собственно, идея соборности и выступает в философии классических евразийцев той спланивающей, объединяющей, все пронизывающей нитью. Идея соборности – это глубоко религиозная, нравственная идея, посредством которой весь мир являет собой неоспоримую и нерушимую целостность – соборную или симфоническую личность, и она же регламентирует жесткие законы существования человека в этой целостности. Соборность представляет собой органическое единство целого и его частей как единства личностей, которые составляют такое единство, где основой взаимодействия и совместного сосуществования выступают начала любви, жертвенности, но в то же время и свободы. В философии классических евразийцев соборность олицетворяет стремление каждого индивида к одному центру, которым выступает церковь, ведущая нас к единству с Богом. Классические евразийцы, таким образом, выразили идею соборности вполне в духе славянофильства – как особое понятие русской философской мысли, где одновременно сосуществуют и даже отождествляются свобода индивидуального выражения целого и необходимость служения целому как некому безусловному высшему единству.

Список источников

1. Булгаков С. Н. Православие. Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. 560 с.
2. Исаева О. С. Метафизические основания социального проекта евразийцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (21). С. 47-55.
3. Карсавин Л. П. О личности // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. М.: Ренессанс, 1992. Т. 1. С. 3-234.
4. Карсавин Л. П. Церковь, личность и государство // Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 414-446.
5. Савицкий П. Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 13-78.
6. Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 493-547.
7. Трубецкой С. Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С. Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 483-592.
8. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: АСТ, 2003. 640 с.
9. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
10. Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа // Хомяков А. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Медимум, 1994. Т. 2. С. 72-128.
11. Хомяков А. С. Письмо к редактору "L'Union chretienne" о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Медимум, 1994. Т. 2. С. 238-243.
12. Хоружий С. С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире [Электронный ресурс]. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

IDEA OF CONCILIAR NATURE IN PHILOSOPHY OF CLASSICAL EURASIANISM

Isaeva Oksana Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Penza State University
okcana_isaeva@mail.ru

The article is devoted to one of the original philosophical movements of the early XX century – classical Eurasianism. The author focuses on the interpretation of one of the authentic phenomena of the Russian philosophical thought – the idea of conciliar nature – by classical Eurasianists, which is a fundamental notion for all their teaching. Special attention is paid to the religious and metaphysical substantiation of “conciliar nature” by the Eurasian thinkers, in particular by L. P. Karsavin. The author comes to the conclusion that the notion “conciliar nature” in classical Eurasianists’ philosophy occupies one of the key places acting as a fundamental unifying principle.

Key words and phrases: classical Eurasianism; conciliar nature; conciliar personality; symphonic personality; pan-unity.